

Гуманитарные исследования

Чернова А.Е.

Образ Родины в русской литературе (на примере поэзии Николая Рубцова)

Аннотация. Статья посвящена аналитике «образов Родины» в творчестве Николая Рубцова. Постигание Родины через образы пейзажа, праздничной гульбы, сельского труда, любви связано с религиозным типом сознания и тайной русской старины.

Ключевые слова: Родина, тайна, русская самобытность, русская старина, светлая печаль, веселье, праздничная гульба.

Константы образа Родины являются наиболее важными в поэзии Н.Рубцова, который писал: «В творческом отношении предпочитаю темы Родины и путешествий, сельского труда и любви» [1].

Если некоторые советские писатели, отражая в своих произведениях характерные приметы современной жизни, отказывались от всего, что могло быть связано с таинственным и тревожным откровением старины, то в поэзии Н.Рубцова, напротив, очень важны художественные образы, передающие красоту и тайну человеческого существования [2]. В недатированной биографии «Коротко о себе» Рубцов пишет: «Давно уже в сельской жизни происходят крупные изменения, но до меня все же докатились последние волны старинной русской самобытности, в которой было много прекрасного, поэтического...» [3].

Родная земля в его лирике изображается как таинственное пространство Божьего мира. Одно из стихотворений, посвященных Родине, так и называется – «Тайна». Отношение человека к внешнему, природному миру как к величайшей тайне характерно для религиозного типа сознания.

Тайна взаимосвязана с русской стариной и с грустью. Пейзаж в стихотворениях Н.Рубцова пронизан печалью, но печаль эта особого рода, отмеченная еще А.С.Пушкиным – светлая,

разлитая в воздухе родных мест: «И всей душой, которую не жаль / Всю потопить в таинственном и милом, / Овладевает светлая печаль, / Как лунный свет овладевает миром...» [4].

Так же как и в произведениях устного народного творчества, в поэзии Н.Рубцова «минуты музыки печальной» не противоречат дальнейшему веселью, хохоту и праздничной гульбе.

В стихотворении «Видения на холме» читаем:

Взбегу на холм
и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звёздных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...
Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни тебя, храни!

Константа старины включает в себя как видимое (леса, погосты, избушки, цветы), так и невидимое, высшую реальность (молитвы, судьба народа, страдания, небеса) [5]. «Достославная старина» в поэзии Н.Рубцова обнаруживает себя не только в земном просторе, но и в небесном, как, например, в стихотворении «Привет, Россия...»: «Как весь простор, небесный и земной, / Дышал в оконце счастьем и покоем, / И достославной веял стариной, / И ликовал под ливнями и зноем!..» [6].

Глубинный смысл Родины в поэзии Н.Рубцова рождается не из бытовых понятий и тем более не из обстоятельств текущего момента, но из постоянной, утвержденной в веках самобытности, из таинственных и грустных откровений старины.

В стихотворениях Н.Рубцова на историческую тему приметы старины образуют таинственные видения. Музыкальное начало, звучание – будь то ночной шум сосен, гул речных вод или же звон колоколов – содержит в себе голос былых времен, напоминает об ушедших деяниях праотцев,

выражает в лирике Н.Рубцова историческое сознание, истоками связанное с былинами и историческими песнями.

В стихотворениях Н.Рубцова «В старом парке» и «Сосен шум» глас веков чудится лирическому герою в шуме деревьев, и в одном, и в другом случае – именно сосен, которые называются старинными, а тревожный гул их ветвей сравнивается со сказанием. Чутко вслушиваясь в прошедшие эпохи, лирический герой пытается разгадать смысл этого сказания. Личный план художественного изображения замещается историческим планом: шумящая сосна, прежде всего, транслирует «глас веков», передает историческую глубину современности. Художественный мир стихотворений Н.Рубцова обретает онтологические свойства исторических песен, которые, черпая «жизненный материал из современности», дают «художественное изображение прошлого» [7]. На психологическом уровне в стихотворениях «В старом парке» и «Сосен шум» прослеживается связь с народными лирическими песнями. Константа сосны, так же как и осины, рябины, горькой полыни в лирических песнях всегда передает состояние несчастья и тревожное настроение. В лирике Рубцова с константой соснового шума связано тревожное настроение, а также ощущение старинности места, желто-черные цвета и ночное время.

В стихотворениях Н.Рубцова «Видения на холме», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «О Московском Кремле», «Шумит Катунь» так же, как и в исторических песнях, упоминаются реальные лица русской истории – Иван Грозный, хан Батый, Чингисхан, Наполеон, а рядом с ними и простой солдат.

Во всех исторических стихотворениях Рубцова ощутимо влияние древнерусской поэтики. По наблюдению И.Клейна [8], в «Слове о полку Игореве» половецкий лагерь соотносится с адом и тьмой, а Русская земля с раем и светом. Подобным образом дуализм света и тьмы проявляется и в стихотворении Н.Рубцова «Шумит Катунь». Мрачная тень Чингисхана затмевает солнце, тогда как стоянки русских деревень названы светлыми: «И Чингисхана сумрачная тень / Над целым миром солнце затмевала, / И черный дым летел за перевалы / К стоянкам светлых русских деревень...» [9].

Константа света определяет образ вечной, непреходящей Руси. Святая Русь – это и есть светлое место: «И меж берез, домов, поленниц / Горит, струясь, небесный свет!» [10].

Небесный свет указывает на нетленную вечность самой древней Руси. Чуткость к историческому прошлому соединена с аксиологической константой присутствия в мире высшего, божественного начала, определяющего образ Святой Руси. Подлинная Родина включает в себя измерение Святой Руси, определяемое константой света. Образ родной земли раскрывается через принцип абстрагирования: единичные реалии обретают признаки обобщенности, постоянства и сакральности.

Если в фольклоре постоянный образ Русской земли создают высокие горы и быстры реченьки, зеленые луга и болота, то в стихотворениях Н.Рубцова высокие горы преобразуются в холмы, на

которых, среди грибных сказочных лесов, раскинулись села с древними колокольнями и храмами. Именно на холмах («Видения на холме», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны») зарождаются исторические видения, что обусловлено фольклорным мировосприятием: гора или холм в устном народном творчестве – это иная, священная реальность, вбирающая мировую ось. Недра гор хранят останки павших воинов, а также предметные свидетельства их ратных подвигов.

Ночью лирический герой, прозревая в реальности скрытые исторические глубины, скачет на коне по холмам, днем он углубляется в древние леса, похожие на сказки бабушки, собирает грибы. В стихотворениях «В лесу», «Гуляевская горка», «Таковы на Руси леса», «У сгнившей лесной избушки...», «Сапоги мои – скрип да скрип» лирический герой испытывает радость, связанную с обилием в лесу грибных мест. Народные представления о демонических свойствах грибов и магические приемы для их успешного сбора в этих стихотворениях не отражаются. Сказочная формула «скрип да скрип» (сказка «Медведь на липовой ноге»), образующая рефрен в стихотворении «Сапоги мои – скрип да скрип», придает обыкновенному сбору грибов мифологическое звучание.

Кроме констант образа Родины мы выявили и общие аксиологические константы, ментальные установки фольклорного сознания, которые пронизывают всю лирику Н.Рубцова и которые направлены на восприятие музыкальности, чудесности и непознаваемости мироустройства, а также на ощущение единства миров живых и усопших. Потусторонний мир настойчиво проникает в повседневную реальность через звучание. Пение незримого или детского хора, звон бубенцов, мимолетные приглушенные голоса, «печальные звуки, которых не слышит никто», образуют таинственную мелодию человеческого бытия, выражающему глубинную, невыразимую сущность образа Родины.

Стремление к неразрывности, к соединению земного, смертного с высшим, вечным явственно обнаруживает себя в стихотворении Рубцова «Журавли».

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полёт этих гордых прославленных птиц.
Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят всё, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...

Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеет душа и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...

Подобное соединение соответствует аксиологической константе соборности и характеризует народное сознание. Соборность в стихотворении Н.Рубцова раскрывается через психологический параллелизм, в основе которого лежит принцип аналогии между миром природы и внутренним миром человека. Сравнение разновременных вариантов стихотворения показало, что жители земли, разбуженные журавлиным зовом, из «наблюдателей» (первый вариант) становятся «участниками». «Прощально» поднятые руки меняются на «согласные», и журавли из «высоких» путников становятся «любимцами».

Глубинные значения образа Родины выражаются аксиологическими константами Святой Руси – неизменности и безлюдности. Подлинная неизменность, когда природа являет собой не временное затишье, но «олицетворяет сотворенную вечность и поэтому статична» [11], воплощается в стихотворениях «Душа хранит» и «Ферапонтово». Пейзажные описания, передающие тихую красоту Святой Руси, не подвержены каким-либо изменениям, тлению.

ДУША ХРАНИТ

Вода недвижимее стекла.
И в глубине ее светло.
И только щука, как стрела,
Пронзает водное стекло.

О, вид смиренный и родной!
Березы, избы по буграм
И, отраженный глубиной,
Как сон столетний, божий храм.

О, Русь - великий звездочет!
Как звезд не свергнуть с высоты,
Так век неслышно протечет,
Не тронув этой красоты,

Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлен
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времен...

Образ Родины в творчестве Н. Рубцова отличается сложностью и многомерностью: в некоторых случаях поэт не чужд изобразить простую современную советскую действительность (вспомним, например, стихотворения «На Сенокосе», «Жалобы алкоголика» и др.), однако чаще он обращается к совершенно другой бытийной реальности, которая почти не содержит в себе злободневных примет времени, но определяется аксиологическими константами древнерусского и фольклорного мировоззрения. Тем самым образ родной земли обретает глубинные свойства вечной, Святой Руси.

Сказания древней старины, которые лишь предчувствуются в шуме сосен или в шуме бурных речных вод («В старом парке», «Сосен шум»), претворяются в таинственные ночные видения («Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны...», «Видения на холме», «О московском Кремле», «Шумит Катунь»), и, наконец, становятся зримой реальностью, воплотившимся чудом («Тихая моя Родина», «Тайна», «Душа хранит», «Ферапонтово» и др.).

Этнопоэтические константы присутствуют во всех этих стихотворениях, но с разной частотностью. В стихотворениях «Душа хранит», «Ферапонтово» и др. создается образ вечной Руси, наделенный признаками сакральности (выражающейся в неизменности внешних реалий и безлюдности), устремленности к соединению небесной сферы и земной, а также особой глубинной музыкальности, когда лирическому герою слышится пение «незримых певчих». Святостью и красотой исполнены простые сельские виды: деревни на холмах, разрушенная церковь у реки, грибные леса и поля. Произведения Н. Рубцова можно сравнить с известными пейзажами А. Саврасова «Грачи прилетели», «Печерский монастырь в Нижнем Новгороде», «К концу лета, на Волге», «Вечер», «Проселок» и др., в которых художник «отразил не свою эпоху, а создал вневременной образ России, Божьего мира, явленного во всем, что вокруг нас, – в самых обычных скромных пейзажах, в незамысловатых деталях» [12]. Присматриваясь, чутко вслушиваясь, и поэт, и художник различали в привычных пейзажных видах непреходящие знаки святой Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рубцов, Н.М.* Стихотворения / Н.М.Рубцов. – М.: Профиздат, 1998. – С. 18.

[2] Стихотворения «Тайна», «Шумит Катунь», «Зеленые цветы», «О Московском Кремле», «Далекое», «Ночь на Родине», «Зимняя ночь», «Вологодский пейзаж» и др.

[3] *Рубцов, Н.М.* Стихотворения / Н.М.Рубцов. – М.: Профиздат, 1998. – С. 24.

[4] *Рубцов, Н.М.* Сочинения: Прижизненные издания; Избранное / Н.М.Рубцов; сост. Н.И.Дорошенко. – М.: Российский писатель, 2006. – С. 370. Далее все стихотворения Н.М.Рубцова цитируются по этому изданию.

[5] Стихотворение «Видение на холме».

[6] С. 355.

[7] *Путилов, Б.Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII-XVI веков / Б.Н.Путилов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 9.

[8] *Клейн, И.* Донец и Стикс (пограничная река между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») / И.Клейн // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). Сб. науч. статей. – М.: Наука, 1976. – С. 68.

[9] С. 261.

[10] С. 347.

[11] *Ужанков, А.Н.* Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций: Монография / А.Н.Ужанков. – М.: Изд-во Литерат. ин-та им. А.М.Горького, 2011. – С. 309.

[12] *Скоробогачева, Е.А.* Алексей Саврасов / Е.А. Скоробогачева. – М. : Арт-родник, 2012, – С. 92 – 93.

© Чернова АЕ., 2017.

Статья поступила в редакцию 10.08.2017.

Чернова Анастасия Евгеньевна,

кандидат филологических наук,

прозаик, публицист, литературовед (Москва)..

Chernova A.

The image of the Motherland in Russian literature (Nikolai Rubtsov's poetry as example)

Abstract. The article analyses "the images of the Motherland" in the works by Nikolay Rubtsov. Comprehension of the Motherland through the images of landscape, festive revelry, rural work, love are connected with the religious type of consciousness and mysteries of Russian old times.

Key words: Motherland, mystery, Russian identity, Russian old times, light sadness, hilarity, festive revelry

Chernova Anastasia Evgenievna,
PhD in Philology,
writer, essayist, literary critic (Moscow)